БУДНИЧНАЯ ЖИЗНЬ.

Мама, мама, папа въ шубѣ! папа шубу купилъ себѣ! кричала Лина, вбѣгая въ кухню къ матери, которая достряпывала обѣдъ съ своей единственной служанкой. Какую себѣ папа шубу купилъ! кричала она, всплескивая руками, — такая теплая, пушистая!

Спѣшно мѣшая что–то въ кастрюлечкѣ, мать радостно проговорила: «Слава Богу, дитя мое! шуба эта сбережетъ много здоровья отцу твоему.»

— Эмилія, Эмилія, закричалъ въ дверь Эдуардъ Ивановичъ, погляди, что я тебѣ привезъ!

Линочка скользнула изъ кухни и стала въ недоумѣніи передъ отцомъ, который вынималъ изъ узла и стряхивалъ лисій салопъ, крытый чернымъ атласомъ.

— Что это, откуда ты взялъ? спросили въ голосъ мать и дочь. Эмилія Ѳедоровна знала, что мужъ ея уѣхалъ съ газетнымъ объявленіемъ искать себѣ шубу, но на

дешевенькій салопъ у нихъ не доставало нѣсколькихъ десятковъ рублей, и потому она рѣшила, напередъ купить шубу, которая мужу ея была нужнѣе чѣмъ ей.

— Гдѣ же твоя шуба? въ какомъ–то страхѣ спросила Эмилія Ѳедоровна.

Мужъ весело накинулъ на нее салопъ, и проворно снялъ со стула енотовую шубу, надѣлъ ее на себя и, поворачиваясь передъ женою, тѣшился ея недоумѣніемъ.

— Да что же это, Эдуардъ, скажи пожалуйста, что все это значитъ?

Довольный своей покупкой, Эдуардъ Ивановичъ разсказалъ женѣ, что, обходя Москву по объявленьямъ, онъ ничего не нашелъ годнаго; большая часть оказалась проданною, другая же была либо дурна, либо ему не по цѣнѣ. На пути онъ встрѣтился съ знакомымъ, который послалъ его къ своимъ однодомцамъ, гдѣ мужъ и жена продавали свои шубы задаромъ.

— Бѣдные! невольно сорвалось съ языка Эмиліи Ѳедоровны.

— Какое бѣдные! смѣясь сказалъ мужъ, напротивъ того, богатые, имъ

посчастливилось: они выиграли въ лотерею или имъ достались по наслѣдству, не знаю хорошенько, большія деньги; мужъ и жена вздумали распродавать свои прежнія вещи, чтобы обзавестись щегольскими, и продаютъ все за безцѣнокъ. Когда мнѣ вынесли напоказъ шубу, я подумалъ: ну, это не про насъ! Хозяинъ сказалъ: «Вотъ, батюшка, за шубу эту я самъ заплатилъ нынѣшней осенью сто семьдесятъ рублей, а теперь отдамъ ее вамъ за полцѣны.» Подумавъ немного, я вынулъ сторублевую бумажку, да и сказалъ: «Вотъ мой капиталъ, надо купить шубу и себѣ, и женѣ.» Барыня всполошилась: «Возьмите, да возьмите мой салопъ; я его отдамъ за ту же цѣну, за что мужъ отдаетъ свою шубу.» Тотъ было сталъ отговаривать, но она и слышать ничего не хочетъ! Онъ помянулъ что–то про тетушку, но барыня, передавая мнѣ салопъ, весело сказала мужу: «Что намъ теперь тетушка, мы сами себѣ господа!» — Я держалъ бумажку въ рукахъ, и повторилъ: «Нѣтъ у меня больше, хоть обыщите!» — Ну, домой сходите, сказалъ

мужъ. — «Да и дома–то нѣтъ, вотъ весь капиталъ мой, говорю по совѣсти!» — Барыня первая бросила мнѣ салопъ свой, а за нею и новый баринъ, подумавъ немного, сдѣлалъ тоже. Я сунулъ ему скорѣе бумажку, да домой, чтобы не передумали: вѣдь у такихъ затѣйниковъ семь пятницъ на недѣлѣ! Погляди, Эмилія, какъ легокъ и хорошъ твой салопъ! говорили, что нѣтъ еще трехъ лѣтъ, какъ его сшили!

Салопъ и шуба переходили изъ рукъ въ руки. Линины родители долго трудились, чтобъ отложить отъ своего бѣднаго хозяйства сотню рублей, и вдругъ на эту счастливую, трудовую сотню купили они необходимыя для нихъ вещи, потому что доселѣ сидѣли оба безъ шубъ, и купили за такую цѣну, что одна труженическая сотня ихъ пошла чуть ли не за четыре!

— Надо же мнѣ на радостяхъ потѣшить Лину, сказалъ отецъ, и садясь обѣдать, развернулъ жиденькій бумажникъ, вынулъ изъ него рублевую бумажку, и отдавая ее дочери, сказалъ: это тебѣ на угощенье подругъ!

Счастливая Лина! наконецъ таки исполнилось твое давнишнее желанье! — «Вотъ теперь, сказала она, я позову Мери, Сашу и Алю! Мама, можно ихъ всѣхъ позвать? Вѣдь у меня ужасъ какъ много денегъ!» добавила дѣвочка, поглядывая на задумавшуюся мать.

— Да, сердце мое, да, ты можешь пригласить ихъ, но мнѣ хотѣлось бы потѣшить этихъ добрыхъ дѣтей чѣмъ нибудь особеннымъ. Угощенія на ихъ дѣтскихъ съѣздахъ бываетъ болѣе чѣмъ нужно, и намъ съ тобой, на твой цѣлковый, не угоняться за ними; но я вотъ что придумала: такъ какъ всѣ дѣти вообще любятъ стряпать, то пригласи ихъ съ тѣмъ, чтобы вы всѣ вмѣстѣ сами состряпали свой обѣдъ, а я прибавлю къ твоему цѣлковому свой полтинникъ и еще тѣ тридцать пять или сорокъ копѣекъ, чего стоитъ нашъ ежедневный обѣдъ!

— Мама! восторженно проговорила Лина, сжимая ручонки, милая мама, какая ты добрая! И дѣвочка схвативъ руку матери, крѣпко прижалась къ ней, потомъ

бросилась на шею къ отцу, потомъ объявила свою радость старой чухонкѣ Анхенъ, которая бережно вносила въ комнату кучу тарелокъ и молочную рисовую кашу. Старуха остановилась, подумала и сердито сказала: «Эта кароса обѣдъ будетъ! А кто этотъ обѣдъ отъ маленки барисня кусать будетъ?» Слова эти поохладили дѣтскую радость. Лина робко и вопросительно поглядѣла на мать, которая успокоительно кивнула ей головой. Эмилія Ѳедоровна одна умѣла ладить съ преданною ей, своенравною старухой.

— А я сафтра пуду полъ мыть! задорливо сказала чухонка.

Быстрый взглядъ на жену и легкая усмѣшка Эдуарда Ивановича не застали Эмилію Ѳедоровну врасплохъ, она удивительно мягко умѣла вести упрямую старуху.

— Да, Анхенъ, пожалуйста, только поранѣе, чтобы чужіе люди не застали насъ врасплохъ; ты и посуду посвѣтлѣе вычисти, чтобы гости видѣли, что не у однихъ

богатыхъ людей бываетъ порядокъ въ кухнѣ и въ комнатахъ.

Тактика барыни удалась; поглядѣвъ исподлобья и постоявъ немного, чухонка круто повернулась, забрала грязную посуду и пошла въ кухню, даже не хлопнувъ за собою дверью; это былъ добрый знакъ, его даже поняла Лина, и потому дѣвочка, обратясь къ матери, весело заговорила о предстоящей стряпнѣ:

— Что же мы станемъ стряпать, мама? навѣрно клецки съ черносливомъ, и сладкій супъ, и рисовую кашу съ корицей, и пышки съ вареньемъ?

— Нѣтъ, Линочка, этого нельзя, это все не русскія кушанья, надо угощать всякаго тѣмъ, къ чему онъ привыкъ и что любитъ.

— Ахъ, мама, это все такія прекрасныя кушанья, всѣ гости навѣрно будутъ имъ рады!

— Нѣтъ, дитя мое, мы выберемъ лучше общія намъ блюда, напримѣръ: сваримъ мясной супъ съ курицей, курицу эту подадимъ съ рисомъ и съ тертымъ сыромъ;

потомъ, мясныя котлетки и сладкій пирогъ, хоть лорхенкухенъ, знаешь?

— Очень, очень хорошо, чудесно! только, мамочка, нельзя–ли намъ еще сдѣлать пирожковъ ком–моргенъ–видеръ, я ихъ такъ люблю!

— А что, Лина, спросилъ отецъ, если твои гости, понявъ названье пирожковъ: «приходи на завтра опять,» что, если онѣ и послѣ–завтра пріѣдутъ къ тебѣ обѣдать?

Лина задумалась, наконецъ сказала: «Я имъ, папа, не скажу названья пирожковъ, — пусть это будетъ нашъ секретъ!» Потомъ, обратясь къ матери, заботливо спросила, останутся ли отъ обѣда деньги на угощенье крымскими яблоками, до которыхъ дѣвочка была большая охотница.

— Не только на десятокъ яблоковъ, и на шоколадъ станетъ.

Обрадованная Лина, едва переводя духъ, тихонько проговорила: и на штрицель, мама?

— Быть можетъ и штрицель испечемъ, сказала мать, вставая изъ–за стола, къ счастью, что наши курочки занеслись.

Лина, въ дѣтской радости своей, забѣгала цѣловаться отъ отца къ матери, и отъ матери къ отцу; но успокоясь немного, она припала къ колѣнямъ матери, крѣпко обняла ихъ, и поднявъ голову сказала: Возьми меня съ собой, когда пойдешь за припасами!

— Конечно, надо же тебѣ самой закупить припасы къ своему обѣду; но напередъ всего, напиши одну общую пригласительную записку къ твоимъ гостямъ; Анхенъ разнесетъ ее по домамъ.

Посовѣтовавшись съ матерью, Лина написала слѣдующую записку:

«Милыя мои Саша, Мери и Аличка!

«Мама и папа мои такіе добрые, они позволили мнѣ задать вамъ обѣдъ, и позволили намъ самимъ его состряпать! Подумайте только, какъ это будетъ весело! настоящій обѣдъ, и супъ, и котлетки, и вафли, все это сами изготовимъ! Я иду съ мамой сама закупать припасы, все самое лучшее, — денегъ у меня очень много!

«Пріѣзжайте пораньше. Мама велѣла сказать, что сама станетъ съ нами готовить.

«Ваша вѣрная Лина.»

Въ сумерки, раскраснѣвшіяся отъ мороза мать съ дочерью вернулись домой, и обѣ принесли по кульку; старая Анхенъ отперла имъ дверь и весело проговорила:

— Барисна всѣ кароси, кланятся фелятъ, сафтра пудутъ.

Напившись чаю, Эмилія Ѳедоровна велѣла Линѣ записать счетъ, сказавъ напередъ: молоко на шоколадъ и на вафли намъ пришлетъ тетя, а мы съ тобой запишемъ только то, на что издержали деньги.

4 ф. бульонной говядины, по 5 к. .....20 к.

4 ф. мягкой говядины въ начинку и котлеты, по 7 к. .....28 к.

курица.....30 к.

1 ф. русскаго масла, жарить пирожки и котлеты. .....22 к.

1 ф. чухонскаго, въ вафли. .....25 к.

1 ф. сахарнаго песку. .....19 к.

3 ф. лучшей крупитчатой муки на печенье, по 6 к. .....18 к.

1/2 ф. шоколаду.....40 к.

Итого. 2 р. 2 к.

— Всего на все закуплено на два рубля двѣ копѣйки, сказала мать; теперь, давай сочтемъ, велики ли наши съ тобой деньги? папа далъ тебѣ рубль, я подарила полтинникъ, — это выходитъ 1 руб. 50 к., да еще надо прибавить 40 к., что стоитъ нашъ ежедневный обѣдъ, всего 1 руб. 90 коп.

— Мамочка! всплеснувъ руками, вскричала Лина, мы съ тобой передержали!... А яблоки! еще и яблоки забыли, говорила она жалобно, покачивая головой.

Вдругъ Лина вскочила и черезъ минуту принесла свою кружечку–копилку, прося

мать отпереть ее и взять передержку. Эмилія Ѳедоровна, подумавъ немного, отперла копилку, отсчитала двѣнадцать копѣекъ и положила ихъ въ свой кошелекъ. Родители Лины пріучали ее съ дѣтства къ толковому хозяйству, то есть, чтобы не расходовать болѣе положеннаго. Линочка, не смотря на свои девять лѣтъ, такъ привыкла къ этому порядку, что считала долгомъ своимъ отдать передержку, тѣмъ болѣе, что сама напросилась на покупку яблоковъ и на прибавку своихъ любимыхъ блинчатыхъ пирожковъ. За яблоки пока мать ничего не вычла, сказавъ, что оставитъ до послѣ–завтра, и если тогда будетъ остатокъ припасовъ, то положитъ его въ цѣну, и тогда уже разочтется.

— Это такъ, это хорошо, мамочка, сказала дѣвочка повеселѣвъ опять, ты хорошо придумала!

Анхенъ также что–то очень хорошее придумала для своей ненаглядной кухни; она уже раза два бѣгала съ лукошечкомъ къ знакомому садовнику за бѣлымъ пескомъ, промыла квасною гущею стекла

въ шкапу и въ окнахъ, вымыла щелокомъ изразцовую плиту, пересмотрѣла еще разъ чугунныя поливанныя кастрюли, и въ первый разъ пожалѣла блестящихъ мѣдныхъ, которыя такъ бы украсили теперь ея кухню! Неблагодарная старуха забыла десятилѣтнюю службу скромныхъ чугунныхъ кастрюль, и не разсчитала того, что одна ежегодная полуда мѣдныхъ стала бы дороже всей цѣны поливанныхъ чугунныхъ.

Огонь въ кухнѣ погашенъ; вездѣ темно, только въ спальнѣ горитъ небольшая керосиновая лампа и за нею сидитъ трудолюбивая чета: мужъ поправляетъ ученическіе переводы, жена штопаетъ бѣлье. И какъ мастерски, съ какимъ соображеньемъ! ея легонькая частая штопонка постоитъ за себя, не проносится въ середкѣ и не вывалится съ боковъ; работа не видная и не потѣшная, но необходимая во всякомъ мало–мальски порядочномъ хозяйствѣ; у богатыхъ этимъ дѣломъ небрежно занимаются горничныя, здѣсь же въ бѣдной учительской квартиркѣ,

штопаетъ сама хозяйка, и трудится съ такимъ мирнымъ удовольствіемъ, съ какимъ рѣдкая барыня забавляется надъ своей работой! Душевнаго спокойствія не купишь и въ долгъ не возьмешь, а дается оно даромъ Божьимъ тому, кто съ любовью выполняетъ дѣло свое, какъ у себя дома, такъ и на сторонѣ.